

— Но в будущем нас останется только двое. Разве ты... разве ты не хочешь отдохнуть хоть немного? Хотя бы полдня, — его голос был пустым, звучал одиноко.

— ...Раньше мы, раньше, разве не были вдвоем? — Хуа Чаобэй понял его намек, но заколебался.

— Но этим утром ты не представляешь, как это было для меня ценно. Я мог спокойно поспать, а проснувшись, почувствовал, что у меня еще есть время, даже смог подумать, какого цвета цветы по дороге... Эти дополнительные полдня для меня были как дар... Я не прошу многого, только чтобы А Сюй пробыл там полдня, всего полдня... Чтобы я мог насладиться этим драгоценным временем...

— Но А Сюй такой маленький...

— Но ты всего на год старше него! — его голос немного повысился.

— Но А Сюй явно не выдерживает, поэтому его так быстро вернули.

Хуа Миньян усмехнулся, и Хуа Чаобэй вдруг вспомнил лицо посланника Чэна. Он сказал:

— Кто от природы может выдержать? Выдержать — это судьба, не выдержать — тоже судьба. В семье Хуа ты слышал, чтобы кто-то закончил жизнь хорошо?

Их слова Хуа Сюй не понимал, он только чувствовал грусть. Хотя он уже решил взять на себя их страдания, ему было больно слышать эти слова из их уст.

Только тогда боль в теле начала проявляться с опозданием, но он уже чувствовал, что это терпимо.

Когда снова открылась дверь, посланник Чэн ничего не сказал. Он не удивился, не увидев привычной братской любви, только, вытаскивая Хуа Сюя, бросил:

— Наконец-то стал самим собой.

И с этого момента прошло три года.

Ночью он почувствовал жажду и, встав, чтобы налить воды, обнаружил, что у него длинные руки и ноги. Он вдруг осознал, что это был сон.

Открыв дверь, он увидел высоко висящий полумесяц. Уже прошли годы.

С наступлением зимы ветер принес слухи и снег. Горы покрылись снегом, и вся Долина Чэньфэн стала белой. Во дворе часто слышался звук ветра, несущего снег и лед, ударяющий в двери.

— «Небеса не благоволят к человеку, постигшему беду?» — Хуа Сюй повторил эту короткую фразу, обдумывая ее.

— Доложить главе долины, эта фраза сейчас на устах у всех, даже дети шутят и пересказывают ее.

Он был одет тепло, даже в комнате с печью он все еще носил лисью шубу. Весь его подбородок был скрыт мехом, он, казалось, похудел, под глазами были темные круги. Он полулежал на меховом диване, опираясь на руку и прищурил глаза.

— Вы что, целый день бездельничаете? Какое отношение это имеет к нашей Долине Чэньфэн...

Чэн Юй бросил взгляд на Чэн Фэна, намек был очевиден:

— Зачем ты лишнее болтаешь!

Чэн Фэн с недовольством ответил:

— Наша Долина Чэньфэн больше не может оставаться в стороне. В прошлом месяце количество подозрительных людей у реки Люцин увеличилось почти в три раза. Если снаружи все спокойно, то хорошо, но если нет, то наша долина неизбежно пострадает. Не говоря уже о бизнесе с ломбардом... — Он не закончил, потому что Хуа Сюй открыл глаза.

— Есть ли из Дома Чэнь новости о таком?

— Пока нет, но управляющий Сюй уже отправил людей выяснить, пока источник не найден.

Хуа Сюй спокойно посмотрел на него:

— В следующий раз не докладывайте такие вещи без причин и без оснований. Увеличьте патрулирование у реки Люцин, если кто-то случайно попадет в долину, схватите одного и допросите, это я вам не должен объяснять?

— Есть!

— Есть еще что? Нет — идите, я хочу спать, — Хуа Сюй махнул рукой.

Чэн Фэн опустил голову, чувствуя себя неловко. Чэн Юй, не выдержав, толкнул его бедром в сторону и громко сказал:

— Доложить главе долины, есть еще одно дело. Среди собранных товаров мы обнаружили это.

— С этими словами он вытащил из кармана Чэн Фэна нефритовую подвеску чистого белого цвета.

— В чем дело? — Брови Хуа Сюя слегка нахмурились, он посмотрел на Чэн Фэна.

Чэн Фэн сразу же взорвался:

— Говорят, эту вещь заложил владелец публичного дома. Не нужно и думать, это точно Янь Юаньшу, который попал в переделку!

Подвеска была передана Хуа Сюю. Он, казалось, помнил наставления старого господина Янь своему сыну, и в его сердце поднялась волна гнева, но она быстро утихла. Он опустил глаза, положил подвеску на стол и сказал:

— Найдите его. Если найдете, верните ему это. Если нет, оставьте у себя...

Снаружи все еще дул ветер, в комнате было немного сумрачно. Хуа Сюй чувствовал, что не может спать спокойно. В полузабытьи ему приснилось, как добрый голос сказал:

— Я и для тебя попросил, то же самое, мир и любовь. Ну-ка, наклонись... — Снаружи было светло, он почувствовал, как наклонился, но постепенно открыл глаза. Это был старый сон.

Он потер виски, чувствуя усталость, встал и вышел наружу. Снаружи бушевали ветер и снег, на

высоте было холодно, и все вокруг было белым. Он всегда вспоминал тот чайный дом, где осенью светило солнце...

Он изменился? Стал ли он чего-то ждать? Но это тепло не было связано с ним, а он чувствовал себя счастливым.

— Молодой господин, ты знаешь, что я мог убить тебя десять раз за этот короткий момент? — сзади раздался насмешливый голос.

Хуа Сюй не обернулся, все так же держа руки за спиной и глядя на гору. Облака и снег струились, его голос казался холодным, словно витал в воздухе:

— А учитель знает, что я был настороже?

— Нельзя даже пошутить? Молодой господин все такой же скучный... — он подошел к нему и встал рядом, бросив на него беглый взгляд. — Редко вижу тебя в таком настроении, что-то беспокоит?

— ...Учитель, я хочу уйти, — он опустил глаза, усталость на его лице была явной. — Это место причиняет мне боль. Учитель знает мой характер, я никогда не любил управлять чем-то, не люблю хлопот. Я хотел стать главой долины только для того, чтобы не дать этим двоим радоваться... Но теперь я понимаю, что все эти годы страдал только я... У них есть надежда, пока они не получили желаемого, а я получил, и в моем сердце только бесконечная горечь. Я устал, не хочу больше жить в таких эмоциях. Я хочу уйти и посмотреть на мир...

Да Инлоу глубоко посмотрел на него, затем отвел взгляд и спокойно сказал:

— Ты знаешь, что означает твой выбор? Как только ты уйдешь, Долина Чэньфэн больше не будет иметь к тебе отношения. Все страдания, которые ты пережил, исчезнут. Даже если ты выйдешь из долины, ты будешь жить под чужим именем всю жизнь. Даже так, ты согласен?

Прошло много времени, прежде чем Хуа Сюй тихо произнес:

— Я согласен...

Он думал, что учитель попытается остановить его, но Да Инлоу только посмотрел на него некоторое время, а затем широко улыбнулся. Он похлопал его по спине, смеясь:

— Наконец-то дождался этого дня, молодой господин, ты понял!

Хуа Сюй растерялся:

— Учитель...

— Эх... Дай учителю сначала вздохнуть, привыкнуть. Как ты уйдешь, в долине не останется никого, кто бы пил со мной... — Да Инлоу снова похлопал его по спине и отхлебнул вина.

— Учитель давно знал, что я уйду? — Хуа Сюй не двигался, глядя на спину учителя, пьющего вино.

— А ты как думаешь? — Да Инлоу повернулся и хитро улыбнулся.

Только тогда Хуа Сюй улыбнулся, глубоко вздохнул и поклонился:

— Спасибо учителю за понимание... Благодаря тебе я понял, что, кроме жизни и смерти, все остальное действительно зависит от сердца. Я связывал себя все эти годы.

Да Инлоу усмехнулся:

— Поймал? Если понял — тогда выпей со стариком еще. Этот холм должен быть под присмотром кого-то разумного. Не хочу, чтобы, когда ты вернешься, Долина Чэньфэн превратилась в логово бандитов. — С этими словами он пошел в дом, размахивая пустым кувшином.

Хуа Сюй пристально смотрел на него, не говоря ни слова, его взгляд был сложным. С этого момента он почувствовал, как тяжесть с его плеч внезапно исчезла. Камень не исчез, а лег на плечи другого человека.

Не слишком ли он эгоистичен?

Он хотел спросить, но, глядя на спину учителя, не смог. В одно мгновение Хуа Сюй интуитивно понял чувства старика в чайном доме — отпустить Янь Юаньшу, старик был рад, даже счастлив.

Может, учитель тоже ждал этого момента?

<http://bllate.org/book/16872/1554980>